

Любой язык отражает определенный способ восприятия действительности, который называется языковой картиной мира. Значения слов и выражений складываются в единую систему взглядов, которую, даже не зная об этом, разделяют все носители языка. Мы, не задумываясь, выбираем между близкими по смыслу словами «врать» и «лгать», «друг» и «приятель», исходя не из основных значений этих слов, а из фоновых, тех, о которых зачастую даже не пишут в толковых словарях. Более того, эти фоновые значения объединяют слова, которые на первый взгляд никак не связаны: так «простор» оказывается ключевым для слов «уют» или «гулять», а без слова «заодно» невозможно «зайти в гости». Полностью описать русскую языковую картину мира невозможно, хотя бы потому, что в ней постоянно что-то меняется — вместе с языком. Но даже небольшой «букварь», в котором собраны ключевые для русской языковой картины мира слова, может показать, как сильно мы зависим от языка, на котором говорим.

А

«А вдруг» и «авось»

Несмотря на то что слово «авось» сейчас употребляется редко, оно является принципиальным для русской языковой картины мира и, в частности, для мифа о русских. Часть этого мифа — идея о том, что русский «действует на авось» и «рассчитывает на авось». Слово «авось» отражает установку: может произойти все, что угодно, и поэтому можно не принимать во внимание некоторые неприятности, всего все равно не предусмотреть. Для носителя русского языка важна и другая установка, которую выражает словосочетание «а вдруг»: любая неприятность может произойти, надо все предусмотреть и перестраховаться. Казалось бы, противоречие. Но это не так. Обе установки связаны с ключевой для языка идеей о непредсказуемости мира, собственных действий и результатов этих действий. Всегда есть надежда: «Авось обойдется». А если не обошлось, можно сделать вид, что ты ни при чем, сказав «не успел» вместо «не сделал», «мне не работалось» вместо «я не работал».

Б

«Быт»

Рутинность «быта» противопоставлена «бытию», которое означает существование, связанное исключительно с духовным. «Быт» возникает там, где живет человек: быт может быть дачным, больничным, лагерным, его можно налаживать и устраивать в любом месте. В некоторых обстоятельствах «быт» превращается из привычного окружения в агрессивную среду, и тогда он может «заесть», «засосать». Но на него всегда можно махнуть рукой и сказать: «Ну, это так — быт».

В

«Врать»

Русский язык обозначает говорение неправды двумя глаголами — «лгать» и «врать», и различие между ними для носителя принципиально. «Лгать» относится к бытию, и там ложь непростительна. А когда человек врет, это бытовое действие. Когда можно употребить глагол «врать», но нельзя — «лгать»? Случай первый: «Где живет Иванов? — На Пречистенке. Ой, вру, на Остоженке». Здесь «врать» — это «сказать, не подумав», и отсюда парадоксальные высказывания вроде «врет, врет, да и правду соврет». Второй тип вранья — когда человек просто считает, что лучше, чтобы некто не знал правду. Так дети часто врут родителям, когда думают, что те либо расстроятся, либо накажут. Родители специально учат детей: «Врать нехорошо». Не плохо, а именно нехорошо. Сказать «лгать — нехорошо» невозможно. И есть, наконец,

«художественное» вранье. В русском языке есть очень характерный глагол «приврать» — такое небольшое вранье, приправа к правдивой в целом истории. Но если человек увлекся враньем, то это уже плохо:

*«Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну еще туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок, —
Это просто ерунда!».*

Г

«Гулять»

Главное в русском «гулять» — не пешее перемещение, а ощущение свободы. Когда человек «гуляет», это значит, что он не отягощен обязанностями. «Обязанность», в свою очередь, происходит от слова «вязать» и с точки зрения русского языка, безусловно, является грузом, поэтому она бывает «тяжкой» и ее можно «переложить» или даже «свалить» на другого человека. Чтобы начать «гулять», даже необязательно выходить из дома — достаточно просто взять «отгул» на работе или «прогулять» школу. Гулять можно одному, с друзьями или целым городом. Народные гулянья — это может быть все, что угодно: концерты, сжигание маслениц, салюты и т. д. Хотя в этом году появились, наоборот, народные прогулки, которые означают исключительно массовое пешее перемещение. Ну и, конечно, не надо забывать о традиционном значении «гулять»: «Императрица Мария Федоровна, узнав, что граф Платов ездил в Царское село, спросила, ну а что вы там делали, гуляли? И он отвечал: нет, государыня, большой гульбы не было, а так, бутылочки по три на брата осушили».

Д

«Душа»

Душа в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди. У души есть стороны и тайники, с нее можно снять груз, ее можно вынуть и вложить, раскрыть, в нее можно залезть и даже плюнуть. Душа — вместилище внутренних состояний человека. Те состояния, которые имеют внешние проявления или, по крайней мере, не противоречат таковым, находятся на поверхности этого вместилища (он улыбался, потому что у него было светло на душе); скрытые от посторонних мысли и чувства находятся где-то в глубине (в глубине души он был романтиком). Если душа человека — вместилище его сокровенных мыслей и чувств, то дух составляет его внутренний стержень. В критических ситуациях человеку необходимо присутствие духа (невозможно сказать «присутствие души», ведь душа у человека есть всегда), и, прежде чем что-то предпринять, он часто должен «собраться с духом». Дух позволяет человеку подниматься на большую высоту — «воспарять духом», но он может и «упасть духом». Если дух угасает, это еще не свидетельствует об отчаянии, но все же о некоторой потере энтузиазма. Таким образом, для человека важно горение духа. Горение же души (выражение «душа горит») свидетельствует лишь об особом рода энтузиазме — о желании выпить.

Е

«Еще»

Слово «еще» — короткий способ сказать «не делай поспешных выводов». Человек может думать, основываясь на некоторых высказываниях или обстоятельствах, что некое событие больше

не произойдет. А его собеседник, добавляя слово «еще», призывает не торопиться. Характерные русские фразы: «да не волнуйся, ты еще сто раз съездишь», «мы еще посмотрим», «я тебе еще задам».

Ж

«Жалость»

Лингвист Ирина Левонтина прекрасно описала склонность к жалости как специфически русскую черту. В русской народной культуре «жалеть» часто тождественно «любить». Это очень стихийное чувство, мгновенная реакция души на чужое страдание. Жалость может охватить, захлестнуть, сжать сердце, как и любовь. При этом жалость может быть и чувством эгоцентрическим. В основе сострадания, например, лежит частичное отождествление себя с другим человеком. Жалость же указывает на самостоятельное чувство, независимое от чувств другого человека. Поэтому только жалость можно испытывать к мертвым и к себе самому, в то время как сострадание в этих случаях невозможно. Жалость иногда сопровождается покровительственным отношением к объекту чувства и может даже стать оскорбительной: «Вы вызываете у меня жалость».

З

«Заодно»

В русском языке выражена идея, что трудно приступить к делу, потому что для этого надо мобилизовать внутренние ресурсы — собраться с мыслями, с силами, с духом. А если уж человек приступил к активной деятельности, то на него «заодно» можно навешать сколько угодно дел — потому что ему не надо второй раз «собираться». Например, просто сказать человеку «сходи за хлебом» как-то невежливо. Но если я вижу, что человек собирается на прогулку, я могу ему сказать: «Ты все равно идешь на улицу, купи заодно хлеба». И это совершенно нормально, потому что нам обоим понятно, что главное, самое сложное, он уже сделал — собрался выходить. Можно по-другому — соблазнить получением дополнительного приятного результата — «сходи за хлебом, заодно воздухом подышишь». А когда человек говорит о своих действиях, он может принизить свою заинтересованность в результате. Возвращаясь из магазина и гремя бутылками, человек может сказать — «вот зашел в магазин, заодно водки купил». Это типичная русская вещь, когда люди как будто бы рационализуют свою деятельность. Но именно как будто бы, потому что дело не в рационализации, а в том, чтобы не предпринимать усилий.

И

«Истина» и «правда»

Истины люди не знают, если только она не избитая. Поэтому и сказать ее нельзя. Истина — это то, как устроен мир, в отличие от правды — того, что люди могут узнать. Самый простой способ узнать правду — это чтобы ее сказали. Другое дело, что сказать можно не только правду, но и неправду или полуправду. А вот неистины и полуистины не бывает. Если правда может быть у каждого своя, то истина — одна. Именно поэтому в суде каждый свидетель говорит то, что считает правдой, а суд уже может попробовать установить истину.

К

«Кровь»

Все, что связано с «составом» человека — с его духом и плотью, с его душой и телом, безусловно, является определяющим в языковой картине мира. И «кровь» — хороший тому пример. Прежде всего, она служит носителем генетической информации, поэтому говорят «в его жилах течет цыганская кровь», а родственников называют «кровными». Кровь также участвует в проявлении

самых сильных эмоций, и тогда она «бросается в голову» и «кипит». Хладнокровный человек — тот, кто не подвержен действию страстей. Кровь — это то, что можно проливать на поле битвы, и она же метонимически используется для обозначения убийства («Он так рвется к власти, что не остановится и перед кровью»). В юности у человека бывает горячая кровь, она горит, играет. С возрастом кровь остывает, течет медленней: «Здравствуй, мое старение! Крови медленное струение».

Л

«Любовь»

«Любовь» — это, с одной стороны, свойство, а с другой — чувство. Объектом любви-свойства становится некий класс повторяющихся ситуаций, который доставляет удовольствие: «я люблю порядок в комнате» и «я люблю прогулки на свежем воздухе». Второй тип любви — чувство, которое испытывает человек по отношению к некоторой личности или к чему-то воспринимаемому как личность. Описываются эти чувства довольно сложно, потому что жену, дочь, мать, отца, брата, любовницу, Бога любят по-разному. И вовсе необязательно, что эти чувства связаны с удовольствием — обязательным компонентом любви-свойства. Скажем, человек может любить своих детей, но это не значит, что он получает от них удовольствие. Носители языка эту разницу между любовью-чувством и любовью-свойством замечательно выразили в анекдоте: «Гиви, помидоры любишь? Есть люблю, а так — нет».

М

«Мир»

Мы употребляем это слово в двух значениях: мир как Вселенная и мир как противоположность войне. Разумеется, когда-то это было одно слово. Более того, я склоняюсь к тому, что два значения «мира» — это некоторый поэтический прием Кирилла и Мефодия. Они решили использовать одно славянское слово, означавшее «упорядочивание, порядок, лад» для перевода двух греческих слов $\epsilon\acute{\iota}\rho\eta\nu\eta$ и $\kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$ (космос). Дело в том, что в богослужебных текстах, которые переводили Кирилл и Мефодий, и в текстах Священного писания слова « $\epsilon\acute{\iota}\rho\eta\nu\eta$ » и « $\kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$ » встречались в одном предложении («мир мирови Твоему даруй»). Или, скажем, фраза, с которой начинается ектения в греческом (и в церковнославянском): «Миром Господу помолимся». Очень естественно понимать ее как «всем миром», то есть все вместе. Исходное же значение, как видно из греческого текста, — это без конфликтов, в согласии. Но сами значения между собой очень близки: «все вместе» и «все в согласии» — это почти одно и то же. Вот Кирилл и Мефодий и увидели связь между двумя разными вещами и решили, что их можно заменить одним славянским словом.

Н

«Неприкаянность»

Кажется, что это слово существовало давно, но его нет ни в словаре Даля, ни в древнерусских текстах, и раньше конца XIX века оно не встречается. Возможно, оно связано с какими-то жаргонными, тайными языками, в которых «неприкаянный» означало «ни к чему не приделанный». То есть оно вообще никак не связано с покаянием, хотя это первое, что обычно приходит на ум. Слово это стало означать некоторое специфическое состояние, которое лучше всего описывается тоже очень характерным русским словом «маяться». Оно, в свою очередь, связано с основополагающим для русской языковой картины мира представлением о свободе, как о просторе, но отражает другую сторону этого представления. Когда простора слишком много, человеку становится неуютно, и он не может найти себе место.

О

«Общение»

По определению Анны Зализняк, общаться — это «разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта». При этом разговор не обязательно должен быть «о главном» — речь может идти в том числе и о пустяках; суть в ощущении общности. Между людьми, которые общаются, имеются определенные отношения. Все, что касается отношений — в данном случае дружеских, — для русской языковой картины мира очень важно. И в ситуации, когда по-английски можно просто сказать a friend of mine, по-русски приходится решать, какой из «терминов дружбы» описывает отношения наиболее адекватно — «знакомый», «приятель», «друг». Сам факт знакомства делает человека «своим», выделяет его из множества «чужих». И тогда «по знакомству» можно что-нибудь получить, более тесные отношения для этого не требуются. На первый план в идее «приятеля» вышло удовольствие, получаемое от общения с ним. Кроме того, очень важно, что приятели общаются в неформальной атмосфере, на равных. Для русского концепта «друг» ключевой, по-видимому, является готовность помочь в случае необходимости. Отсюда частотность выражения «будь другом». А вот интенсивное задушевное общение не является необходимым условием: так, можно считать своим другом человека, с которым не виделся уже много лет, но про которого сохраняешь уверенность: если понадобится — он не подведет.

П

«Пошлость»

Слово «пошлость» выражает самую убийственную эстетическую оценку, которая есть в русском языке. Пошлым может оказаться все, что угодно, в том числе и противоположные вещи: целеустремленно делать карьеру и медитировать лежа на диване, читать только детективы или только классическую литературу, стремиться быть как все и хотеть быть ни на кого не похожим. Но главное, пошлость коварна. Характеризуя другого человека и его действия словом «пошлость», говорящий в своих глазах возвышается над ним, думая: мои ценности — настоящие, и поэтому я (и такие, как я) бесконечно превосхожу тебя (и таких, как ты). И в этом последнем смысловом компоненте кроется источник образуемого пошлостью порочного круга: удовольствие, получаемое от чувства превосходства над человеком, идущим в толпе протоптанной тропой и не подозревающим об этом, — является одним из самых банальных проторенных путей, то есть пошлостью.

Р

«Родной»

Среди множества русских ласкательных обращений «родной» стоит особняком и выражает не столько романтическую влюбленность или страсть, сколько глубокую нежность, доверие, ощущение душевной близости. При этом с точки зрения языка родным становятся, то есть сила любви может превратить чужого в кровного родственника. Можно было бы допустить, что слово «родной» — просто случайная причуда русского языка, но Ирина Левонтина в своей статье «Милый, дорогой, любимый...» блестяще доказывает, что это не так. Она пишет, что метафора кровного родства чрезвычайно широко представлена в ассортименте русских просторечных обращений к незнакомым людям: отец, папаша, мать, мамаша, сынок, дочка, сестренка, браток, бабуля, внучок и т. д. Человек каждый раз соотносит примерный возраст собеседника со своим и прикидывает, кем бы он мог ему приходиться, вступает с ним в квазиродственные отношения. А назначая собеседника, например, дядей, говорящий сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств.

С

«Счастье»

Время от времени социологи вычисляют так называемый «индекс счастья» в разных странах. В этих опросах Россия регулярно оказывается на последних местах. И тут дело не в тяготах русской жизни, а в том, что неудобно и немножко стыдно ответить «да» на вопрос «вы счастливы?». Исторически основным значением слова «счастье» была случайная удача. Человек, про которого сейчас бы сказали, что ему везет, мог быть «счастлив в картах». Или, например, характерное высказывание Суворова: «Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Бог, а ум-то где?» Так что русский человек в принципе не очень рассчитывал на счастье. Употреблялось счастье и в значении «состояние, когда человеку так хорошо, что он уже ничего не может больше хотеть», но и такое счастье ценилось меньше, чем небесное блаженство, настоящий «предел стремлений». XX век устранил небесное блаженство из идеологического и из бытового дискурса, но и счастье тоже скомпрометировал. С одной стороны, его обзывали «мещанским», а с другой — чересчур идеологизировали («счастья народов надежный оплот», «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»). Так что неудивительно, что вопрос о счастье, ставит русского человека в тупик.

Т

«Терпеть»

Американский врач никогда не скажет ребенку «сейчас будет больно, но ты потерпи». Наоборот, скажет «it won't hurt». А по-русски очень естественно предложить потерпеть. Умение терпеть боль и другие неприятности считается достоинством человека. Второе значение глагола «терпеть» — желая, чтобы произошло некоторое событие, не стараться его ускорить: «Я тебе не могу сейчас деньги отдать. — Ничего, я потерплю». Еще одно «терпеть» связано с отношением к другим людям или обстоятельствам. Оно чаще всего употребляется с отрицанием: «терпеть не могу», «не терплю» или «не потерплю». Но если человек все же может терпеть, то это называется словом «терпимость». Во всех описанных выше значениях человек как бы сам выбирает, терпеть ему или нет. И только в одном случае это не так. Есть совершенно нейтральное терпеть — например, «терпеть поражение». Именно от такого «терпеть» происходит юридический термин «потерпевший». Это человек, от которого ничего не зависит. И то, что он потом подает в суд и выступает в суде, никак уже не меняет его статуса.

У

«Уют»

Как ни парадоксально, «уют» неразрывно связан с «простором». Специфика отраженного в русском языке представления о свободе состоит в том, что она предполагает простор. Только на просторе человек может свободно двигаться, ничто его не давит и не стесняет. Поэтому, например, отсутствие политических свобод обозначается словами «притеснение». Однако на просторе человек не защищен от ветра и холода. И тогда он стремится спрятаться от такого простора в тепле и уюте. Там, где нет чужих, над столом — абажур, а занавески скрывают все, что происходит за окном — дождь, снег, революцию. Один из самых близких аналогов русского «уютный» — голландское gezellig. Предполагается почти то же, что в русском: снег, ветер, где-то происходит что-то неприятное, а у них камин, на столе свечка, перед ними... чисто вымытое окно без занавесок. Они смотрят, как там холодно и противно, и им хорошо, и они ни от кого это не скрывают.

Ф

«Фальшивая улыбка»

Иностранцы, приезжающие в Россию, часто отмечают, что русские мало улыбаются, и воспринимают это как проявление недоброжелательности. Дело же в специфическом отношении к улыбке в русской языковой картине мира. Улыбка произошла от слова «лоб», означавшего «череп». С точки зрения языка улыбающееся лицо похоже на череп с обнаженными зубами. Так что улыбка у нас всегда была под некоторым подозрением. Считается, например, что улыбка отнимает время («потом будешь улыбаться, сейчас пиши»). Для нее необходим повод («улыбаться чему-то»). Но самое подозрительное — то, что любая улыбка может оказаться фальшивой, потому что это слишком слабое выражение чувства, по нему невозможно понять, что на самом деле происходит у человека в душе. То ли он улыбается, потому что считает неприличным захохотать, то ли из вежливости, то ли потому что вообще иностранец.

Х

«Хохот»

Во многих языках есть слова, обозначающие громкий несдержанный смех. Как правило, они имеют животные коннотации — как русские «ржать» и «гоготать» — и являются неодобрительными. Русское же слово «хохот» — уникально. Оно отчетливо отражает трепетное отношение русских к искренности. Хохот оказывается лучше смеха и улыбки, которые бывают и горькими, и язвительными, даже грубый и глупый хохот всегда «от души».

Ц

«Цветок»

Русский язык довольно свободно обращается с биологической классификацией. Любой носитель русского языка твердо знает, что помидор — это овощ, хотя с биологической точки зрения он ничем не отличается от смородины. Точно так же все, что выращивают дома в горшках, называется «цветами». Поэтому, если сказать «Увидишь на подоконнике цветок — уходи», носитель русского языка поймет, что явка провалена, даже если в горшке будет пальма.

Ч

«Честность»

Справедливость, законность и честность — ключевые понятия для русской языковой картины мира. Хотя разницу между ними на некоторых языках и выразить невозможно, носитель русского понимает под ними совершенно разные вещи. Видимо, потому, что хорошо знает: решения, принятые в соответствии с законами, довольно часто оказываются несправедливыми или нечестными — и наоборот. В слове «честный» всегда выражается идея следования определенным правилам («честная девушка», «честная служба», «честная игра»). Главное, чтобы не было обмана. Честным может быть кто угодно, а вот справедливым — нет. Справедливым — только тот, кто занимается распределением благ или наказаний, кто-то с функциями арбитра: учитель, но не ученик, судья, но не подсудимый. Чтобы оценить справедливость действий «арбитра», говорящий присваивает себе функции «арбитра второй степени»; чтобы судить о том, справедливо ли суждение о справедливости, необходимо быть «арбитром третьей степени» и т. д. Ориентация на едва ли достижимый идеал в сочетании с изначально присущим справедливости релятивизмом еще больше усиливает демагогический потенциал этого слова.

Ш

«Широта»

Пресловутая «широта русской души» неотделима от русских же просторов, тоски, удалы, любви к воле и покою. Широкий человек — это человек, любящий широкие жесты, действующий с размахом и, может быть, даже живущий на широкую ногу. Это человек, готовый простить другим людям их мелкие проступки и прегрешения. Его щедрость и хлебосольство иногда могут даже переходить в нерасчетливость и расточительность. Но в системе этических оценок, свойственных русской языковой картине мира, гораздо лучше быть расточительным, чем мелочным. Выражение «широта души», «широкий человек» также может подразумевать тягу к крайностям, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества. И, как писали Владимир Плунгян и Екатерина Рахилина в своей статье о стереотипах, эта тяга к крайностям — то единственное, что объединяет щедрость и расхлябанность, хлебосольство и удаль, свинство и задушевность — обозначения качеств, которые (в отличие, например, от слова «аккуратность») в языке легко сочетаются с эпитетом «русский».

Щ

«Щепетильность»

«Щеголь... чопорный... занятый внешними мелочами» — такими словами Даль определяет щепетильного человека. Русскому языку свойственно сдвигать значения. В данном случае — в сторону человеческих отношений. И на этом уровне внимание к мелочам, столь неодобрительно оцениваемое, если эти мелочи — внешние, оказалось положительным качеством. Такой же сдвиг произошел со значением заимствованного слова «деликатный». Во французском — это «вкусный, нежный, тонкий». Первое время доминировало значение «вкусный». Но затем, опять же из-за особого внимания к отношениям, появилось выражение «деликатный человек», а другие значения из языка ушли — остался только «деликатес», сказать «деликатный стол» уже невозможно. Ушли, но не навсегда — появляются вторичные заимствования, и благодаря им у нас теперь есть «деликатная стирка», а слово «деликатный» расшаталось. Так щепетильная работа языка по выработыванию новых значений разрушается параллельно с понижением интереса к нюансам человеческих отношений.

Э

«Эмоция»

В бытовом, ненаучном употреблении слово «эмоция» очень легко сдвигается в отрицательную сторону: «Ну, это все эмоции». «Эмоции» как то, чему не следует придавать значения, противопоставлены «чувствам». Эмоции нельзя «задеть» или «оскорбить», а чувства — можно. Иностранцы «эмоции» другие, они не могут конкурировать с нашими «чувствами». Возьмем «депрессию» (состояние эмоциональной подавленности) и «тоску» (типичное русское чувство — человек не знает, чего хочет, но знает, что это недостижимо). Тоску можно разгонять, совершать от нее удалые действия, с тоски можно напиться. А в депрессии человек ничего не делает или идет к психотерапевту.

Ю

«Юмор»

«Чувство юмора» — это умение видеть смешное и смеяться над собой. При этом человек, обладающий чувством юмора, может не обладать остроумием — умением порождать смешное. Слово «остроумие» первоначально означало умение быстро проникнуть в суть вещей. Переход от остроты ума к умению видеть что-то смешное характерен для многих языков: слово, от которого произошло английское wisdom (мудрость), в немецком перешло в Witz (шутка). Можно рассмотреть этот тип перехода от умного к смешному на примере слова «хохма». Оно заимствовано из древнееврейского, в котором обозначало «мудрость». Постепенно у него

появилось значение рассказа о забавном происшествии. Но если у слова «остроумный» еще сохранилось какое-то отношение к собственно мудрости — например, может быть остроумное решение задачи, то у хохмы этого оттенка нет. Для русского языка значимым оказалось ее созвучие со словом «хохот». Настолько значимым, что связь с еврейской «мудростью» была утрачена.

Я

«Ябеда»

Существенная для русской культуры нелюбовь к разного рода чиновникам, в особенности к тем, кто имеет отношение к налогам и суду, не могла не отразиться на языке. Изначально нейтральные слова приобретают яркую отрицательную оценку. Слово «ябеда» в древнерусском языке — «должностное лицо», «судья». Оно стало использоваться в отрицательном смысле еще в XVIII веке и сейчас, переместившись в детскую речь, с самого начала приучает к тому, что сообщать другим людям о неблагоприятных поступках ближнего — неправильно. Даже в годы сталинских репрессий, когда доносительство стало повальным, ни один человек тем не менее не решался ни озаглавить свое письмо в органы «доносом», ни даже написать «считаю своим гражданским долгом донести». Только «сообщить», «сигнализировать», «разоблачить».